

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. В. Шевчук

Модели современного капитализма: основы сравнительного институционального анализа¹

ШЕВЧУК Андрей

Вячеславович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: andreyshevchuk@mail.ru

Экономики развитых стран мира, которые традиционно именуются «капиталистическими» или «рыночными», в действительности неоднородны. Существует несколько самостоятельных хозяйственных моделей, различающихся в социально-экономическом, политическом и идеологическом отношении. В данной статье обсуждаются методологические подходы к сравнительному анализу хозяйственных систем, а также в самом общем и стилизованном виде представлена базовая типология, включающая «либеральный капитализм» англосаксонского мира и «нелиберальный капитализм», распространенный в континентальной Европе, Японии и ряде других стран. Две модели капитализма различаются типами хозяйственных агентов и институциональным устройством. Каждая из них обладает специфическими конкурентными преимуществами, с разной степенью успешности решая различные социально-экономические задачи. Разворачивающийся процесс глобализации не означает конвергенции и унификации хозяйственной практики. Скорее имеет место гибридизация — институциональные изменения, направленные на адаптацию моделей к новым вызовам.

Ключевые слова: модели капитализма, хозяйственные агенты, институциональные устройства, глобализация, институциональные изменения.

Социально-экономическая компаративистика: проблемы и подходы

Сравнение социально-экономического развития различных стран всегда было актуальной исследовательской задачей, имеющей важное практическое значение. На этом фоне довольно странным выглядит факт, что теоретический инструментарий для ее решения до последнего времени оставался довольно скудным.

Большая часть компаративных работ вообще не опирается на какую-то общую концептуальную основу. Они имеют описательный характер, а выбор критериев для сравнения остается субъективным, обусловленным конкретными исследовательскими задачами. С каждым годом накапливается все более обширный эмпирический материал. Однако бессистемное нагромождение фактов, невозможность прямого

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Научного фонда ГУ ВШЭ (проект №07-01-166).

сопоставления результатов многочисленных исследований, разная терминология и методология сильно затрудняют обобщения более высокого уровня, на котором осмысливаются типы хозяйственных систем или модели социально-экономического развития.

На протяжении большей части XX века дискуссии о хозяйственных системах вращались вокруг дихотомии «капитализм — социализм» или «рыночная экономика — плановая экономика». В контексте экономической и политической борьбы двух систем вопрос о том, что сами они далеко неоднородны, отходил на второй план.

В это время в экономической науке сформировалась отдельная исследовательская область «экономические системы» или «сравнение экономических систем» (comparative economic systems), а в учебниках по экономике соответствующие разделы. С позиций неоклассической теории фундаментальные различия между «капитализмом» и «социализмом» прослеживаются по двум критериям: форме собственности на средства производства (частная — общественная, государственная) и способу координации экономической деятельности (рынок — централизованное государственное планирование).

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. массовое крушение советских режимов подорвало актуальность традиционного противопоставления, изъяв из хозяйственной реальности один из полюсов. Однако соответствующие разделы в западных учебниках остались до сих пор практически в неизменном виде. В 1990-х гг. компаративисты-неоклассики сместили основной исследовательский фокус на трансформационные процессы в бывших социалистических странах, осуществляющих переход к рыночной экономике. Однако и этот процесс на сегодня уже практически завершен. Конечно, остаются еще так называемые менее развитые страны, для которых по-прежнему стоит задача формирования эффективно функционирующей рыночной экономики.

В чем же, собственно, состоят возможности неоклассической теории в сфере экономической компаративистики? Для неоклассиков рынок совершенной конкуренции выступает эталоном, с которым сравниваются все реальные хозяйственные системы. Таким образом, они отличаются друг от друга характером и степенью своих «несовершенств», которые сильнее всего связаны с государственным воздействием или незрелостью рыночных отношений в менее развитых странах с традиционным укладом. В практическом плане аналитики Всемирного банка, Международного валютного фонда и других международных организаций используют подобную концептуализацию в деле практического реструктурирования конкретных экономик, стремясь к тому, чтобы они максимально походили на модель «совершенного» рынка. Американский социолог Н. Биггарт справедливо замечает: «В идеале, они стерли бы все различия (“несовершенства”) между рынками и вылепили бы их по единому образцу»².

Существуют и иные варианты социально-экономической компаративистики, сформировавшиеся на базе альтернативных течений общественной мысли: политэкономии, институционализма, экономической социологии, исторических и социокультурных исследований. Сегодня чаще всего их можно встретить под названиями: «сравнительная политическая экономия» (comparative political economy) или «разнообразие капитализма» (varieties of capitalism).

Сначала повышенное внимание привлекала специфика хозяйственной организации азиатских стран. Япония, а затем и новые индустриальные страны (Южная Корея, Сингапур,

² *Биггарт Н.* Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002. С. 257 (см. также: Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 53 (www.ecsoc.msses.ru)).

Тайвань и др.) в 1970-х — 1980-х гг. составили серьезную конкуренцию США и странам Западной Европы. Одним из пионеров подобных исследований является английский социолог Рональд Дор, книга которого «Британская фабрика, японская фабрика» стала классикой сопоставления азиатских и западных моделей хозяйствования³.

После крушения советских режимов, когда потеряло свою значимость традиционное противопоставление «капитализм—социализм», был поставлен вопрос о различных моделях в рамках самого капитализма, их экономических и социальных качествах. Эту дискуссию инициировала книга французского экономиста Мишеля Альбера «Капитализм против капитализма» (1991), в которой он выделил «англосаксонскую» и «рейнскую» модели⁴. Оригинальность идей, их популярное изложение и полемический характер сделали книгу М. Альбера бестселлером, однако сам автор не ставил перед собой задачи разработки методологического инструментария сравнительных исследований.

Десятилетие спустя предложенная Альбером и уже успевшая стать канонической типология капитализма получила более глубокое теоретическое обоснование в рамках институционального подхода у Питера Холла и Дэвида Соскиса, популяризовавших термин «разнообразие капитализма» (*varieties of capitalism*)⁵.

С конца 1990-х гг. модели капитализма все чаще обсуждаются в контексте процессов экономической интеграции и глобализации. В противовес тезисам о конвергенции и унификации хозяйственной практики говорится о сохранении институционального разнообразия и эволюции существующих моделей в ответ на вызовы глобализации.

В целом можно заключить, что в течение последних двух десятилетий сформировалась самостоятельная исследовательская область, посвященная сравнительному институциональному анализу моделей капитализма, сложились научные сообщества, занимающиеся этой проблематикой⁶. С каждым годом возрастает количество публикаций, проводятся научные конференции и семинары, в университетах читаются специальные курсы. При этом мы имеем дело с молодым и динамично развивающимся научным направлением, которое скорее можно охарактеризовать как исследовательскую программу, чем как строгую и единую теорию. Идет период активной разработки собственной методологии, накопления информации и ее концептуального осмысления.

Модели капитализма: проблемы типологизации

М. Альбер обращает внимание на важный идеологический аспект: «Поскольку победа капитализма стала полной, он утратил свое зеркало и возможность самооценки. Ни демократия, ни либерализм, ни капитализм не знают опыта монополии. Как управлять тем, что не оспаривается?»⁷ Именно в признании того, что сам капитализм далеко не монолитен в социально-экономическом, политическом и идеологическом отношении он видел решение этой проблемы.

³ Dore R. *British Factory, Japanese Factory: The Origins of National Diversity in Industrial Relations*. L.: George Allen & Unwin, 1973.

⁴ Альбер М. *Капитализм против капитализма*. СПб.: Экономическая школа, 1998.

⁵ Hall P., Soskice D. *An Introduction to Varieties of Capitalism // Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / ed. by P. Hall., D. Soskice*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

⁶ См.: Шевчук А. В. Сравнительные исследования моделей капитализма. Ч. 1. Современные классики // *Экономическая социология*. 2008. Т. 9. № 2. С. 66–78. (www.ecsoc.msses.ru).

⁷ Альбер М. Указ. соч. С. 14.

Говоря о многообразии реальных хозяйственных моделей, Альбер тем не менее утверждает, что оно «стремится к биполяризации, к разделению капитализма на два основных типа сравнительно одинаковой значимости и что вопрос, за которым из них будущее, еще не решен»⁸. Мир вступает в эру нового противостояние хозяйственных систем, и каждой стране придется определиться, к какому лагерю ей примкнуть. Эти два типа капитализма — «англосаксонский» (неоамериканский) и «рейнский». М. Альбер проводит сравнению главным образом между хозяйственными системами США и Германии. Он не стесняется оценочных суждений и отдает явное предпочтение рейнской модели. В экономическом плане она, по его мнению, более эффективная, а в социальном более справедливая. Более того, порой он даже говорит о «плохом» (англосаксонском) и «хорошем» (рейнском) капитализме⁹. Тем не менее Альбер сдержанно оценивает перспективы рейнской модели в развернувшемся противостоянии, привлекая внимание общественности к тому, что победа «плохого капитализма» вполне реальна.

Сегодня выделение двух типов капитализма получило широкое признание. При этом присутствуют вариации в их названиях. Можно выделить три основных подхода к терминологии:

1. *Страновой подход*. Определенная часть ученых вслед за М. Альбером упоминает в названиях моделей конкретные страны и регионы. В этом случае продолжают использоваться термины «англосаксонский», «американский» и «германо-японский», «рейнский» капитализм. Определенная группа стран описывается как «средиземноморский капитализм» (Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция, Турция.), для которого характерен большой сельскохозяйственный сектор и интервенционистское государство¹⁰. Особенности азиатских стран отражаются в термине «азиатский капитализм»¹¹. Преимуществом подобного подхода является четкое указание на прототип и соответственно эмпирически ориентированный анализ, концентрирующийся на сравнении хозяйственных реалий модельных стран. Недостатком является тенденция к отождествлению реальных хозяйств с теоретической моделью, а также отсутствие содержательного критерия в самом названии.
2. *Идеологический подход*. В центре внимания оказывается доминирование той или иной хозяйственной идеологии, в соответствии с которой выстроена система институтов и хозяйственная практика. В этом случае используются термины «либеральный капитализм» («либеральная рыночная экономика») и «нелиберальный капитализм» («нелиберальная рыночная экономика»)¹². Последняя модель отличается интеграцией социальных обязательств в экономическую деятельность. С точки зрения хозяйственных идеологий также выделяют «социал-демократическую» модель (Швеция, Австрия и др.) и «стейтизм» (Франция, Италия), с направляющей ролью государства¹³. Несомненно, идеология является объединяющим началом хозяйственной организации в рамках той или иной системы. Однако капитализм как экономическая система основан на

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Там же. С.8.

¹⁰ Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. P.21.

¹¹ См., напр.: The Economic Organization of East Asian Capitalism / ed. by M. Orrù, N. W. Biggart, G. G. Hamilton. L.: Sage, 1997.

¹² См., напр.: The Origins of Nonliberal Capitalism. Germany and Japan in Comparison / ed. by W. Streeck, K. Yamamura. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

¹³ Boyer R. French Statism at the Crossroads // Political Economy of Modern Capitalism. Mapping Convergence and Diversity / ed. by C. Crouch, W. Streeck. L.: Sage, 1997.

либеральных ценностях (экономическая свобода, частная собственность и т. п.), поэтому термин «либеральный капитализм», возможно, звучит тавтологично, а «нелиберальный капитализм» — несколько странно.

3. *Подход с позиций координации.* В зависимости от того, как решается проблема координации хозяйственной деятельности, выделяют «некоординированную рыночную экономику», опирающуюся на рыночное саморегулирование, и «координированную рыночную экономику» («организованный», «институционализированный», «укорененный» капитализм), где значимую роль играют стратегические взаимодействия между хозяйственными агентами и нерыночные механизмы, структуры, институты (государство, ассоциации, сети)¹⁴. В зависимости от их типа различают преимущественно отраслевую координацию (*industry-based coordination*) в Германии и странах Северной Европы, а также групповую координацию (*group-based coordination*) в Японии и Южной Корее¹⁵. Так, в Германии многие вопросы (технологии, стандартизация, профобразование, трудовые отношения) решаются на уровне отраслей при участии бизнес-ассоциаций и профсоюзов, сформированных именно по отраслевому признаку, в Японии и Южной Корее хозяйственные процессы замкнуты в рамках бизнес-групп. В основе этой классификации лежит содержательный критерий, она открывает более широкие возможности для построения абстрактных теоретических моделей. Однако если мы примем во внимание, что «рынок» не есть синоним хаоса и подразумевает определенные правила координации и что само понятие хозяйственной системы подразумевает определенную институциональную организацию, становятся очевидны слабые стороны подобной терминологии. Впрочем, последняя всегда условна.

Несмотря на то что различные аспекты классификации и терминологии остаются дискуссионными, в большинстве исследований выделяются примерно одни и те же группы стран. Необходимо отметить, что сегодня разработанные типологии не претендуют на классификацию всех стран мира или даже всех развитых стран. Внимание исследователей концентрируется на ограниченном количестве национальных хозяйств, которые наиболее глубоко изучены. Можно предположить, что по мере дальнейшего развития исследований все новые страны будут включаться в уже выделенные модели, а возможно, появятся и новые типы. В ближайшей перспективе следует ожидать активизации попыток применения имеющихся подходов к анализу стран Центральной и Восточной Европы и особенно Китая¹⁶.

Сколько же моделей капитализма существует? Или, если более корректно сформулировать этот вопрос, сколько моделей имеет смысл выделять в исследовательских целях? При выделении всего двух моделей неизбежны упрощения, возникают проблемы, связанные с объединением в одну группу довольно разных стран (например, Германии и Японии). Многие страны удается втиснуть в рамки какой-либо модели только с большими оговорками. Нередко возникает ситуация, когда в каких-то хозяйственных сферах страны похожи, а в каких-то различаются. Существует также опасность перейти границу типичного и уникального, приписав каждой стране свою собственную модель капитализма. Конечно, в действительности любое национальное хозяйство неповторимо, но это совсем не значит, что не существует неких общих принципов хозяйственной организации.

¹⁴ *Soskice D. Divergent Production Regimes: Coordinated and Uncoordinated Market Economies in the 1980s and 1990s // Continuity and Change in Contemporary Capitalism / ed. by H. Kitschelt et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.*

¹⁵ *Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. P. 34.*

¹⁶ См., напр.: *Myant M., Lane D. Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.*

Сравнительный анализ хозяйственных систем подразумевает изучение типовых институциональных решений. Как регулируются трудовые отношения между работодателем и наемным работником или конкуренция между производителями? Где фирмы берут деньги для инвестиций? Каким образом финансируются пенсии, пособия по болезни и безработице? Где работник приобретает и совершенствует профессиональные навыки и кто за это платит? Даже гипотетически количество принципиальных решений подобных проблем далеко не бесконечно, а скорее наоборот, весьма ограничено. Поэтому и количество моделей капитализма, которые обычно выделяют, колеблется в пределах двух до пяти¹⁷, хотя встречаются и более сложные классификации, включающие не только национальные, но также региональные и отраслевые хозяйственные модели¹⁸.

В основу дальнейшего изложения, учитывая вводный и обзорный характер данной статьи, заложено противопоставление двух типов капитализма как наиболее разработанное и общепризнанное. Однако при анализе ряда проблем мы будем выделять и большее число моделей.

Институциональная конфигурация хозяйственных систем

Конкретизируя известный тезис К. Поланьи применительно к сравнительному анализу, скажем: хозяйственный процесс может быть по-разному институционально оформлен. Выделяют несколько принципиальных сфер хозяйственных отношений, институциональное оформление которых и отличает один тип капитализма от другого.

¹⁷ См., напр.: *Amable B.* The Diversity of Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2003.; *Boyer R.* How and Why Capitalisms Differ // *Economy and Society*. 2005. Vol. 34. No 4; *Schmidt V. A.* The Futures of European Capitalism Oxford: Oxford University Press, 2006.

¹⁸ См.: *Whitley R.* Divergent Capitalisms: The Social Structuring and Change of Business Systems. Oxford: Oxford University Press, 1999; *Aoki M.* Towards a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

Две модели капитализма

Сфера хозяйственных отношений	Либеральная, нескоординированная, англосаксонская	Нелиберальная, координированная, институционализируемая, организованная, укорененная, рейнская, германо-японская
Корпоративное управление	Управление в интересах миноритарных акционеров в условиях распыленной собственности	Управление в интересах крупных акционеров и «заинтересованных групп» (наемные работники, деловые партнеры, государство, местные сообщества и т. п.) в условиях концентрации собственности
Финансовая система	Ведущая роль фондового рынка в финансировании предприятий Зависимость финансирования от рыночной конъюнктуры	Ведущая роль банков в финансировании предприятий Долгосрочный и стабильный характер финансирования
Межфирменные отношения и конкурентная среда	Автономность фирмы, ориентация на разовые сделки Поддержание интенсивной конкуренции, антимонопольные меры	Включенность фирмы в деловые сети, долговременные отношения, высокий уровень межфирменной кооперации Важная роль бизнес-ассоциаций и деловых сетей в определении характера конкурентной среды
Занятость и трудовые отношения	Гибкие рынки труда, децентрализация трудовых отношений, краткосрочный найм	Развитые институты регулирования (коллективные переговоры с профсоюзами, системы участия работников в управлении), долгосрочный найм
Профессиональная подготовка	Общие навыки, полученные в рамках формального образования. Личные инвестиции индивидов в образовательную подготовку	Специализация навыков в рамках системы профподготовки, организованной фирмами, бизнес-ассоциациями или государством. Инвестиции фирм в образование сотрудников
Социальная политика	Минимальная роль государства в социальной защите	Развитые системы социальной защиты, высокий уровень перераспределения доходов
Инновации	Радикальные	Улучшающие
Наиболее часто упоминаемые модельные страны	США, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия	Германия, Япония, Швеция, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Норвегия, Дания, Финляндия, Австрия

Корпоративное управление. В широком смысле корпоративное управление (corporate governance) понимается как система взаимоотношений между собственниками, менеджерами, персоналом и другими заинтересованными сторонами, по вопросам, связанным с обеспечением эффективности деятельности компании и обеспечением интересов заинтересованных сторон.

Прежде всего на уровне хозяйственной идеологии сами концепции фирмы в двух моделях разнятся¹⁹. В англосаксонском мире она понимается исключительно как частная собственность. Поэтому на практике господствует модель управления в интересах акционеров (shareholder model), направленная на максимизацию текущей прибыли. Другая модель, распространенная в континентальной Европе и Японии, предполагает, что фирма — это человеческое сообщество, сложное переплетение интересов различных групп. В модели

¹⁹ См.: Шевчук А. В. Социальная роль бизнеса в моделях корпоративного управления // SPERO. Зима 2005. (<http://spero.socpol.ru>)

соучастников (stakeholder model) в той или иной степени учитываются интересы не только акционеров, но также менеджеров, работников, деловых партнеров, местных сообществ и др. Для нее характерны отлаженные механизмы поиска компромиссов и переговорного процесса между заинтересованными сторонами.

Для англосаксонской корпорации характерна распыленная собственность. В США и Великобритании около 80% всех акций приходится на мелких акционеров²⁰. В эту категорию, помимо домохозяйств, входят так называемые институциональные инвесторы — фонды (страховые, пенсионные, инвестиционные и др.), аккумулирующие средства населения и вкладывающие их в различные финансовые инструменты с целью получения прибыли. Они управляют массивными пулами финансовых средств, используя портфельный подход, то есть инвестируют небольшие суммы капитала в большое количество компаний. Такие акционеры не имеют устойчивых связей с фирмой, занимаясь по сути спекуляциями на фондовом рынке. В Германии и Японии количество мелких акционеров примерно вдвое меньше, доминируют держатели крупных пакетов акций, которые принимают непосредственное участие в управлении компанией. Как правило, они представлены в наблюдательном совете (supervisory board) — специальном органе, ответственном за принятие стратегических решений.

Финансовая система. Финансовая система (financial system) представляет собой совокупность институтов, которые выступают посредниками в преобразовании сбережений в инвестиции. Она может быть ориентирована преимущественно на банки (bank-based) или на фондовый рынок (market-based). Доля банковской системы в общем объеме финансовых активов экономики составляет в Японии и Германии 60–70%, тогда как в США менее 25%²¹. Немецкие и японские фирмы в качестве источника финансирования предпочитают банковские кредиты размещению акций на фондовом рынке, а население этих стран — банковские вклады вложениям в ценные бумаги. В англосаксонских странах в духе либерализма ставка делается на рынок капиталов и институты, способствующие повышению его прозрачности, устранению асимметрии информации. В другой модели, напротив, на фондовые рынки устанавливается множество ограничений, особенно на более спекулятивные активы.

Трудовые отношения. Система трудовых отношений (industrial relations) представлена институтами, регулирующими отношения найма и использования рабочей силы.

Для англосаксонских стран характерны гибкие рынки труда и индивидуализация заработной платы. В странах нелиберального капитализма большое значение в регулировании трудовых отношений имеют коллективные переговоры между профсоюзами и работодателями, заключаемые на отраслевом, а в некоторых странах и общенациональном уровне. В континентальной Европе также существуют законодательно закрепленные системы участия работников в собственности, прибыли и управлении, именуемые «производственной демократией» (industrial democracy), тогда как в США они не институционализированы. Система соправления (co-determination) подразумевает представительство наемных работников в наблюдательном совете компании. Также предусмотрено создание отдельного

²⁰ Jackson G. The Origins of Nonliberal Corporate Governance in Germany and Japan // The Origins of Nonliberal Capitalism. Germany and Japan in Comparison / ed. by W. Streeck, K. Yamamura. P. 123; Vitols S. Varieties of Corporate Governance: Comparing Germany and UK // Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / ed. by P. Hall, D. Soskice. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 342.

²¹ Vitols S. The Origins of Bank-Based and Market-Based Financial Systems: Germany, Japan, and the United States // The Origins of Nonliberal Capitalism. Germany and Japan in Comparison / ed. by W. Streeck, K. Yamamura. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 173.

органа, представляющего интересы наемных работников — рабочего совета и совета предприятия (work council). Наибольших успехов в деле производственной демократии добилась Германия, где обе вышеописанные системы действуют параллельно, распространяются на всех работников независимо от профсоюзного членства, а представительство работников в наблюдательном совете может достигать половины его состава. Японская модель строится на культурных традициях, определяющих восприятие компании как своего рода единой «производственной семьи», а специфическими институтами трудовых отношений являются пожизненный найм и корпоративные профсоюзы.

Межфирменные отношения. Характер конкурентной среды на рынках определяется формами межфирменных отношений (inter-firm relations).

Либеральный взгляд на экономику подразумевает атомизированных независимых хозяйственных агентов и высококонкурентные отношения на рынке. Фирмы преимущественно ориентированы на разовые сделки и избегают долговременных обязательств с целью сохранения гибкости в условиях изменчивой рыночной конъюнктуры. В странах нелиберального капитализма фирма — это значительно менее дискретное и изолированное образование. Существующие в этих странах более тесные межфирменные связи, долговременная кооперация и скоординированные взаимодействия с точки зрения американского антимонопольного законодательства нередко выглядят как ограничение конкуренции. В Германии и Японии распространены так называемые перекрестные директораты, а также участие банков в собственности и управлении компаниями, которое в США запрещено законом. Можно сказать, что в азиатских странах основным хозяйственным субъектом является скорее не отдельная фирма, а сети и деловые группы различных видов (например, «кейрецу» в Японии, «чеболы» в Южной Корее). В Германии и других европейских странах велика роль профессиональных ассоциаций предпринимателей, которые выполняют функции саморегулирования бизнеса в отдельных отраслях и регионах.

Социальная защита. Одним из важных социальных достижений XX в. явилось становление государства благосостояния (welfare state) — комплекса институтов, направленных на обеспечение социальной защиты граждан путем перераспределения доходов.

Хотя современные либералы и признают необходимость минимальной социальной защиты, они полагают, что за это приходится платить определенную цену: любые эгалитарные меры нарушают индивидуальную свободу и способность рынка эффективно распределять ресурсы. Поэтому в англосаксонских странах стремятся обеспечивать благосостояние граждан за счет эффективной экономики и развития систем частного страхования. Роль государства в качестве непосредственного источника материальной поддержки минимальна и ограничивается наиболее нуждающимися группами, помощь имеет адресную направленность. Как следствие высок уровень социального расслоения.

Противоположная позиция признает социальную защиту важной не только с точки зрения гуманизма, но также условием и предпосылкой эффективности, механизмом инвестиций в человеческий капитал. Сегодня общепризнанной является типология моделей государства благосостояния, которую разработал датский социолог Госта Эспинг-Андерсен²². Помимо либеральной модели он выделил социал-демократическую и консервативную. Социал-демократическая модель, характерная для стран Северной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания) и Нидерландов, включает большие объемы государственных трансфертов, основанных на принципах универсализма и единообразия, в результате чего достигается выравнивание доходов. Консервативная модель имеет место в европейских странах с социально ориентированной рыночной экономикой (Австрия, Германия, Италия,

²² Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

Франция и др.). Здесь в предоставлении социальной помощи сохраняется значительная дифференциация, в зависимости от отрасли, трудового стажа и т. п.

Образование и профессиональная подготовка. Система образовательных институтов ответственна за обеспечение экономики необходимыми навыками (skill formation).

В англосаксонских странах основным регулятором процесса формирования навыков является рынок, а преумножение человеческого капитала является личной проблемой индивида. В рамках системы формального образования можно получить общепрофессиональные навыки, широко представленные на рынке труда. Именно на них и полагаются работодатели, в условиях гибкости трудовых отношений и высокого оборота рабочей силы они не склонны много инвестировать в специальное обучение сотрудников.

В странах нелиберального капитализма сфера профессиональной подготовки институционализована и хорошо приспособлена для обеспечения промышленности кадрами, обладающими необходимыми навыками. В Германии имеет место коллективное или солидарное решение проблемы навыков. Существует отлаженная модель профессиональной подготовки, включая стандартизацию и сертификацию навыков на уровне отраслей, которая встроена в систему отношений между профсоюзами, работодателями и государством. Для Японии характерен сегментализм, предполагающий производство специфических навыков в рамках корпораций или бизнес-групп в условиях развитого внутреннего рынка труда.

Система инноваций. Важную роль в современной экономике играет организация инновационного процесса (innovation system).

Англо-американская система управления ориентирована на радикальные инновации и эксперименты со стратегиями, подразумевающие высокие риски. Она более восприимчива к нововведениям, так как обладает необходимой гибкостью и способна быстро перестраиваться. Рынок бизнес-идей обслуживает развитая система венчурного финансирования. Менее гибкая, но стабильная германо-японская система ориентирована на реализацию долгосрочных проектов, подразумевающих цепочку улучшающих инноваций, обеспеченных высокой степенью приверженности и вовлеченности в процесс работников и всех «заинтересованных сторон». Радикальные инновации важны в быстроразвивающихся высокотехнологичных отраслях (биотехнологии, полупроводники, компьютерный софт, телекоммуникации, корпоративные финансы, реклама, развлечения и др.), а улучшающие инновации – в производстве техники, оборудования и товаров длительного пользования.

Взаимозависимость институтов в хозяйственных системах

На первый взгляд наличие нескольких принципиальных сфер хозяйственных отношений и возможность различных институциональных решений в каждой из них дают нам большое количество итоговых комбинаций, то есть самостоятельных социально-экономических моделей. Однако это не подтверждается на практике, так как институты в рамках одной хозяйственной системы существуют не изолированно, а взаимодополняют друг друга, пронизаны более или менее единой логикой.

Институциональная комплементарность (institutional complementarities) имеет место, если присутствие одного института увеличивает эффективность другого²³. В случае, если отсутствие или неэффективность одного института увеличивает эффективность другого, институты являются субститутами.

²³ Обсуждение этой концепции см.: *Crouch C., Streeck W., Boyer R., Amable B., Hall P., Jackson G. Dialogue on «Institutional Complementarity and Political Economy» // Socio-Economic Review. 2005. Vol. 3. № 2. P. 359–382.*

Выделенные ранее типы капитализма демонстрируют высокую степень взаимодополнения институтов. Так, например, накопительная система пенсионного страхования через частные пенсионные фонды, являющиеся институциональными инвесторами, комплементарна по отношению к фондовому рынку. То же самое можно сказать о защите прав миноритарных акционеров, в частности о нормах, требующих более полного раскрытия компаниями информации о себе.

Особенно интересно рассмотреть взаимодополнение институтов, которые расположены в разных сферах хозяйственных отношений. Например, исследователями было отмечено, что британские и немецкие фирмы по-разному реагируют на повышение обменного курса национальной валюты, которое ведет к относительному удорожанию их товаров на внешних рынках²⁴. Британские фирмы выбирают повышение цен и прибыли, теряя долю рынка и уменьшая объемы производства. Германские фирмы удерживают цены и идут на меньшие доходы в целях сохранения доли рынка. Объяснение состоит в следующем. Британские фирмы конкурируют за финансы на фондовом рынке, поэтому они прежде всего должны поддерживать уровень прибыли, который является важнейшим показателем для принятия решений инвесторами. При этом гибкий и дерегулированный рынок труда допускает увольнения, связанные с неблагоприятной конъюнктурой. Напротив, финансирование немецких фирм не связано с текущей прибылью, а осуществляется на долгосрочной основе крупными стратегическими инвесторами. Развитое трудовое законодательство и сильные профсоюзы существенно снижают возможности увольнений.

Исследователи также отмечают влияние модели социальной защиты на формирование определенного типа профессиональных навыков²⁵. Интересный случай представляет собой Япония, где гарантии долгосрочной занятости в крупных компаниях сочетаются со слабым уровнем поддержки безработных по трудовому законодательству. Последнее еще более привязывает работника к компании и стимулирует его к приобретению специфических для фирмы профессиональных навыков.

Из признания взаимозависимости институтов следует несколько важных выводов:

1. Институты не обладают полной автономией. В рамках хозяйственных систем они формируют институциональные комплексы — группы взаимоподдерживающих институтов, выстроенных в соответствии с определенной логикой. В этом случае их эффективность взаимно усиливается. Соответственно единицей анализа и мер экономической политики должен выступать скорее не отдельный институт, а определенная институциональная связка.
2. Это подводит к следующему выводу относительно возможностей использования зарубежного опыта: отдельный заимствованный институт не будет эффективно работать в другой хозяйственной системе, если в ней не найдется комплементарных ему институтов.
3. Рассмотрение взаимозависимости институтов в контексте решения проблемы координации подсказывает приоритетные направления экономической политики²⁶. Для эффективной работы системы требуется поддерживать работу ключевых для нее механизмов координации, а значит, снова ставится под сомнение универсальность мер

²⁴ Knetter M. Price Discrimination by US and German Exporters // American Economic Review. 1989. Vol. 79. No 1.

²⁵ Estevez-Abe M., Iversen T., Soskice D. Social Protection and the Formation of Skills: A Reinterpretation of Welfare State // Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / ed. by P. Hall, D. Soskice. Oxford: Oxford University Press, 2001.

²⁶ Hall P., Soskice D. An Introduction // Varieties of Capitalism... P. 45–49.

экономической политики. В странах либерального капитализма основной задачей является улучшение функционирования рыночного механизма, например с помощью антимонопольного законодательства. Способы улучшения нерыночного взаимодействия, характерные для нелиберального капитализма, требуют совершенно иных мер, которые не так очевидны. Ведь они связаны с хорошо организованными социальными объединениями (деловыми ассоциациями и сетями), которые правительство может поощрять, но не создавать.

Институциональные особенности — источник конкурентных преимуществ

Страны мира, которые мы называем развитыми, в целом добились сопоставимых социально-экономических результатов, однако к успеху они пришли разным путем. То же самое касается и динамично развивающихся стран, подтягивающихся к этой группе.

Институты могут создавать препятствия одним типам хозяйственной деятельности и способствовать развитию других. Известным примером является влияние социальной структуры (и в частности норм наследования) на экономическую специализацию разных стран Юго-Восточной Азии²⁷. В Южной Корее богатство сконцентрировано в руках элиты, которой удалось наладить капиталоемкие производства (автомобиле- и судостроение, металлургия, производство бытовой техники и др.). В отличие Кореи и Японии семейная система в Китае, Гонконге, на о. Тайвань основана на патрилинейном принципе: наследство делится поровну между сыновьями. В результате сформировался обширный слой малого бизнеса, преуспевающий, например, в ремесленном производстве (одежды, обуви, домашней утвари и т. п.).

Более того, порой определенные институциональные ограничения, которые на первый взгляд не способствуют конкурентоспособности бизнеса, могут порождать неожиданные конкурентные преимущества. Этот феномен получил название «приносящие выгоду ограничения» (*beneficial constraints*)²⁸.

С точки зрения неоклассической теории и хозяйственной практики стран либерального капитализма экономические агенты должны гибко реагировать на рыночную конъюнктуру, осуществляя разовые сделки и откликаясь на самое выгодное в данный момент предложение. Поэтому в профсоюзах и государстве, способствующих усилению регламентации трудовых отношений и удорожанию рабочей силы, сторонники этой точки зрения зачастую видят главных врагов бизнеса, а разветвленные деловые сети в азиатских странах считают наследием традиционализма, пережитком прошлого. Однако в именно в этих условиях обеспечивается лояльность рабочей силы и деловых партнеров, профессиональная компетентность и специализация навыков, необходимые в деле постоянного повышения качества товаров. Благодаря практике долговременной кооперации немецкие и японские фирмы получают конкурентные преимущества в производстве относительно сложных товаров (например бытовой техники). На рынке они исповедуют стратегию дифференциации продукта (в том числе развивая бренды) и могут назначать более высокую цену, которая является платой за специфические свойства товара, монополией на которые обладает фирма.

Хозяйственные системы в эпоху глобализации: конвергенция или гибридизация?

Концепция конвергенции появилась в 1960-х гг. и первоначально подразумевала формирование «смешанного общества» на основе взаимного сближения капитализма и

²⁷ *Hamilton G., Feenstra R. Varieties of Hierarchies and Markets // Industrial and Corporate Change. 1995. № 4.*

²⁸ *Streeck W. Beneficial Constraints: On the Economic Limits of Rational Voluntarism // Contemporary Capitalism: the Embeddedness of Institutions / ed. by R. Hollingsworth, R. Boyer. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.*

социализма. Подобных взглядов придерживались Я. Тинберген, Р. Арон и Дж. К. Гэлбрейт. Сегодня в эпоху глобализации эта концепция обретает второе дыхание, наполняется новым смыслом и становится одной из самых популярных в дискуссиях о будущем мировой экономики. Речь вновь идет о движении всех стран к некоей оптимальной хозяйственной организации, но за ее образец выдается американская неолиберальная модель.

В качестве основных факторов, способствующих конвергенции, как правило, называются следующие:

- общие условия хозяйствования в рамках глобализированных рынков товаров и услуг;
- транснационализация фирм, их превращение в глобальных игроков на единых мировых рынках;
- ужесточение конкуренции и ускорение научно-технического прогресса, вынуждающие фирмы копировать «лучшую практику», выработанную фирмами-лидерами;
- уменьшение значения национального государства как источника регулирующего воздействия и институциональной специфики.

Однако формирование мировых рынков идет с разной скоростью. Наиболее впечатляющие успехи глобализации в сфере финансов, однако другие сектора существенно отстают, а некоторые рынки и фирмы по своей природе привязаны к определенной территории. Например, несмотря на возрастающие масштабы миграции, в целом мобильность трудовых ресурсов довольно ограничена, а малый бизнес продолжает обслуживать местные нужды. По-видимому, в ближайшем будущем мировая экономика будет представлять собой скорее не глобальные рынки, а сложное переплетение глобализированных, региональных, национальных и местных рынков.

Ужесточение конкуренции и интенсификации инноваций напрямую не ведет к унификации хозяйственной практики. Как показывает история бизнеса, существуют различные пути достижения успеха на рынке. Даже в случае, когда фирмы или государства пытаются имитировать определенные технологические и организационные решения, они ложатся на другую институциональную почву и существенно видоизменяются.

Степень снижения регулирующей роли национального государства порой переоценивается. Национальное государство по-прежнему является единственным субъектом действия, обладающим монополией на насилие, а также инструментом интеграции обществ. Наконец, упомянем культурную специфику обществ, обладающую сильной инерцией.

Не следует представлять глобализацию исключительно как некий объективный процесс, а конвергенцию как ее автоматическое следствие. Сейчас разворачивается борьба за институциональное устройство глобализирующейся мировой экономики. В ней задействованы различные силы: транснациональные корпорации; национальные государства с разными цивилизационными основами, хозяйственными моделями и уровнем социально-экономического развития; общественные организации и т. п. Сегодня инициатива у США, которые пытаются представить либеральную модель как некое естественное устройство мировой экономики. В этом свете конвергенция предстает скорее как желаемое некоторыми политическими силами, чем как действительное.

Новый мировой порядок возникает не на пустом месте, а на базе национальных экономик и определенных хозяйственных моделей. Каждая из них ищет свои ответы на вызовы глобализации в соответствии с траекторией предшествующего развития (path dependency). Поэтому правильнее говорить не о конвергенции к единой модели, а о «гибридизации» существующих моделей и, следовательно, сохранении институционального разнообразия капитализма.